

Неестественные причины. Записки судмедэксперта: громкие убийства, ужасающие теракты и запутанные дела

Автор:

[Ричард Шеперд](#)

Неестественные причины. Записки судмедэксперта: громкие убийства, ужасающие теракты и запутанные дела

Ричард Шеперд

Призвание. Книги о тех, кто нашел свое дело в жизни

Тело человека – это безмолвный свидетель случившейся смерти, оно ничего не скрывает и всегда несет в себе правду. Когда смерть внезапна и необъяснима, доктор Ричард Шеперд обязательно выясняет ее причину. Каждое вскрытие – это отдельная детективная история, и автор с помощью проницательности разрешает головоломку, чтобы ответить на самый насущный вопрос: как этот человек умер? От серийного убийцы до стихийного бедствия, от «идеального убийства» до чудовищной случайности, доктор Шеперд всегда в погоне за истиной. И хотя он был вовлечен в самые громкие дела последнего 20-летия (смерть принцессы Дианы, теракты 11 сентября 2001 года в США), часто менее известные случаи в итоге оказывались самыми интригующими.

Ричард Шеперд

Неестественные причины. Записки судмедэксперта. Громкие убийства, ужасающие теракты и запутанные дела

Richard Shepherd

UNNATURAL CAUSES

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London.

Text Copyright © Richard Shepherd 2018. The author has asserted his moral rights. All rights reserved

© Иван Чорный, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ О ТОМ, ЧТО СКРЫТО

Метаморфозы. Путешествие хирурга по самым прекрасным и ужасным изменениям человеческого тела

С человеческим телом часто происходят чудеса. Любое отклонение от принятой нормы не проходит незамеченным. Среди нас живут карлики, гиганты и лунатики. Кто-то подвержен галлюцинациям, кто-то совсем не может есть, многие тоскуют от недостатка солнца. Эти метаморфозы всегда порождали небылицы и мифы, пока наука всерьез не взялась за их изучение. Гэвин Френсис исследует самые живучие мифы и объясняет их природу. Все свои мысли автор подкрепляет случаями из практики и рассказами из истории медицины, искусства, литературы, мифов.

Ужасная медицина. Как всего один хирург Викторианской эпохи кардинально изменил медицину и спас множество жизней

Знаете, что такое настоящий ужас? Попасть на стол к хирургу в 19 веке! И не потому, что не было анестезии – ее уже изобрели (чтобы пациенты не сильно

кричали во время демонстрационных работ профессионалов). А потому, что выживших после хирургического вмешательства можно было пересчитать по пальцам! Маэстро медицины того времени искренне верили, что грязный халат и руки в крови предыдущего пациента – главный атрибут настоящего врача. Но Джозеф Листер усомнился в этом, как казалось всем, неоспоримом факте. Как простому человеку удалось произвести революцию в хирургии и что натолкнуло его на мысль о дезинфекции – в книге Линдси Фицхаррис.

Когда дым застилает глаза: провокационные истории о своей любимой работе от сотрудника крематория

Юная девушка, окончив курсы для сотрудников погребальных бюро, устраивается работать в крематорий. Так она становится ближе к тому, что с огромнейшим интересом изучает – тема смерти и ритуалы погребения. Ее будни проходят совсем не так, как у большинства людей, что она с большой охотой и юмором описывает в своей книге. Описывая свой путь к этой профессии, она приводит кучу интересных фактов, например, сколько весит прах человека и можно ли чем-нибудь заразиться от трупа.

Уйти красиво. Удивительные похоронные обряды разных стран

В своей второй книге Кейтлин Даути, глава похоронного бюро в Лос-Анджелесе, в увлекательной и ироничной манере рассказывает о своих путешествиях по всему миру, о ритуалах погребения и традициях прощания с усопшими, принятых у разных народов. Она размышляет о том, почему на Западе организация похорон превратилась в скрытый и весьма прибыльный бизнес? Как получилось, что родственники и близкие умершего оказались полностью отстраненными от стерильного процесса похорон? Правда ли, что участие родственников в прощальных обрядах помогает им легче принять и пережить смерть близкого человека?

Примечание автора

Мне было сложно принять решение изменить имена и конкретные детали в этой книге, поскольку всю свою карьеру я стремился быть точным. Вместе с тем я также стремился облегчить страдания людей, понесших утрату, и мало кому

пошло бы на пользу на этих страницах распознать историю своего почившего родственника, возродив в памяти свои самые мрачные дни. Так что здесь приводятся подлинные имена только людей, которые настолько знамениты, что скрыть их попросту невозможно. Во всех остальных случаях я изменил детали, чтобы сохранить конфиденциальность, при этом оставив нетронутыми самые важные факты.

* * *

Ум, вкус и знания пользу принесут,

Когда правдив и откровенен суд;

Те, кто способен разделить твой взгляд,

И твоего участия хотят.

Молчи, раз усомнился в чем-нибудь,

А если судишь – тверд, но скромн будь.

Кичливые хлыщи – мы знаем их —

Упорны в заблуждениях своих;

Но ты умей увидеть свой просчет

И каждый день веди ошибкам счет.

Не всякий правильный совет хорош,

Правдивых слов милей иная ложь.

Учись людей учить – не поучать,

Буди умы, чтоб к знанью приобщать;

Когда искусен справедливый суд,

Твои слова одобряют и поймут.

И не скупись на дружеский совет,

Ведь, право, худшей скаредности нет.

Тщеславья ради веры не теряй;
Из вежливости ложь не одобряй;
Не бойся мудрым преподать урок,
Хвалы достойный примет и упрек.

Александр Поуп. Опыт о критике
(Перевод А. Субботина)

1

Впереди облака. Одни нависают надо мной, словно снежные вершины, другие тянутся вдоль развалившихся спящих великанов. Я настолько плавно повел штурвал самолета, что, когда он наклонился вниз и влево, казалось, будто он реагирует не на мои действия, а на мои мысли. Затем передо мной распрявился горизонт, мой странный товарищ: он всегда здесь, проглядывается между землей и небом, неприступный, неприкасаемый.

Подо мной хребет Норт-Даунс, своими плавными контурами напоминающий изгибы человеческого тела, аккуратно рассеченный автомагистралью. Машины гоняются друг за другом по этому глубокому разрезу, сверкая, словно крошечные рыбешки. Дальше трасса М4 уходит в сторону, и земля спускается к воде – сплетенной из множества притоков реке.

Вот и город с его оживленным, пульсирующим, словно красное сердце, центром, от которого отходят дороги с ограждениями – здесь здания более современные.

Я сглотнул.

Город разваливался на глазах.

Я моргнул.

Землетрясение?

Краски города переливались. Его здания были словно галька на дне реки, свет от которой преломлялся и искажался в неравномерно движущейся толще воды.

Необычные воздушные потоки?

Нет. Потому что город сотрясался в такт с чем-то внутри меня, чем-то вроде тошноты. Но куда более зловещим.

Я моргнул сильнее, и моя рука с силой вцепилась в штурвал, как будто я мог исправить свои чувства, скорректировав высоту или направление полета. Только исходило это глубоко изнутри меня и с такой силой прокатывалось по телу, что у меня перехватило дыхание.

МНЕ УЖЕ ЗА 60. БУДУЧИ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИМ ЭКСПЕРТОМ, ЗА СВОЮ ЖИЗНЬ Я ПРОВЕЛ БОЛЕЕ 20 000 ВСКРЫТИЙ.

Я человек практичный и рассудительный, поэтому попытался найти логичное, разумное объяснение происходящему. Что я там ел на завтрак? Тосты? Весьма безобидно и уж точно никак не объясняет, отчего мне внезапно стало так не по себе. И раз уж это была не совсем тошнота, тогда что? В первую очередь, я необъяснимым образом чувствовал себя несчастным, а еще я испытывал... да, я испытывал страх. Я не мог отделаться от ощущения, что произойдет нечто ужасное. Более того, мне чуть ли не хотелось, чтобы это случилось.

Нелепая, иррациональная мысль закралась мне в голову. А что, если мне выпрыгнуть из самолета?

Волевым усилием я остался сидеть в кресле, продолжил дышать, управлять самолетом, моргать. Мне пришлось постараться, чтобы снова прийти в норму.

Тут я глянул на экран навигатора. «Хангерфорд», – прочитал я.

Старые красные дома в центре. Хангерфорд. Серые улицы и спортивные площадки на окраинах. Хангерфорд.

Потом он исчез, и на смену ему пришел Савернакский лес – обширная прослойка зеленой растительности. Постепенно зеленый лес принес мне облегчение – я словно отдохнул в его тени с рюкзаком за плечами. Если мое сердцебиение и оставалось учащенным, то причиной тому был ужас из прошлого. Что же тогда со мной там случилось?

Мне уже за 60. Будучи судебно-медицинским экспертом, за свою жизнь я провел более 20 000 вскрытий. Тем не менее этот недавний случай стал первым за всю мою карьеру, когда я заподозрил, что у моей работы, познакомившей меня с мертвым человеческим телом, перенесшим болезнь, разложение, убийство, резню, взрыв, похороны и сокрушительные массовые катастрофы, могут быть эмоциональные последствия.

Давайте не будем называть это панической атакой. Но это шокировало меня настолько, что я стал задаваться разного рода вопросами. Обратиться ли мне за помощью к психологу? А может, и вовсе к психиатру? А также – что тревожило меня куда больше – не пора ли мне завязать с этой работой?

2

Хангерфордская резня, как ее впоследствии прозвали, стала моим первым крупным делом в роли судебно-медицинского эксперта. Случилась она вскоре после того, как я начал свою карьеру. Я был молодым и увлеченным, и мне потребовалось много лет, чтобы заполучить эту работу. Годы узкоспециализированной подготовки, далеко выходящей за рамки базового курса анатомии и патологии. Должен признать, что все то бесконечное время, проведенное за разглядыванием еле уловимых отличий микропрепаратов, едва не отбило у меня охоту вообще этим заниматься. Множество раз я был вынужден искать новое вдохновение в кабинете своего наставника, доктора Руфуса Кромптона. Он разрешал мне читать его бумаги, изучать фотографии с мест происшествий, и иногда я засиживался там, поглощенный этим занятием, до позднего вечера. Когда я уходил, мне уже не нужно было напоминать, зачем я в это ввязался.

Наконец с подготовкой было покончено. Я быстро нашел себе местечко в отделении судебной медицины больницы Гая, оказавшись под крылом человека,

который был в те времена самым известным в Великобритании судмедэкспертом, – доктора Иэна Уэста.

В те дни, в конце 1980-х, в судмедэкспертах видели беспробудно пьянствующих, умеющих вставить крепкое словечко альфа-самцов, ведущих себя на равных со старшими офицерами полиции. Люди, выполняющие необходимую работу, на которую у всех остальных не хватило бы духу, частенько позволяют себе расхаживать с важным видом – Иэн делал это постоянно. Он был харизматичным человеком и прекрасным судмедэкспертом, а когда вставал за трибуну, то его было не остановить – он не боялся сразиться с любым адвокатом. Он умел пить, обвораживать женщин, а его рассказы завсегда таи баров слушали с раскрытыми ртами. Хотя порой я и бывал застенчивым, я практически убедился, что являюсь состоявшейся личностью, пока не поймал себя на том, что играю роль младшего глуповатого братца Иэна. Его персона освещала своим светом пабы по всему Лондону, и я стоял вместе с восхищенной публикой в его тени, редко позволяя себе вставить колкость. Ну или я попросту ничего толкового придумать не мог – во всяком случае мгновенно.

ХАНГЕРФОРДСКАЯ РЕЗНЯ СТАЛА МОИМ ПЕРВЫМ КРУПНЫМ ДЕЛОМ В РОЛИ СУДМЕДЭКСПЕРТА.

Иэн был главой отделения, и ни у кого не было сомнений, что он высококлассный специалист. Хангерфордская резня стала ужасным происшествием национального масштаба, а также личной трагедией для всех жителей того городка, особенно тех, чьи семьи она затронула напрямую. В обычных обстоятельствах Иэн, будучи начальником, помчался бы на место столь серьезного преступления сам, однако дело было в середине августа и он был в отпуске, так что на вызов отправился я.

Мой пейджер запищал, когда я ехал домой с работы. Сложно представить, как мы жили в мире без мобильных телефонов. Однако в 1987 году, чтобы срочно с кем-то связаться, можно было лишь отправить сообщение на пейджер в надежде, что этот человек увидит его и вскоре сможет добраться до ближайшего телефона. Я включил радио на случай, если вызов был связан с какими-то горящими новостями. Так оно и было.

В Беркшире – настолько малоизвестном городе, что я даже о нем не слышал, – орудовал вооруженный человек. Он убивал всех без разбора, начав свой путь в Савернакском лесу и постепенно продвигаясь к центру Хангерфорда, и теперь забаррикадировался в здании школы, где его окружила полиция. Они пытались уговорить его сдаться. Журналисты утверждали, что его жертвами стали целых десять человек, но поскольку в городе был объявлен своего рода комендантский час, узнать точное число было невозможно.

В КОНЦЕ 1980-Х В СУДМЕДЭКСПЕРТАХ ВИДЕЛИ БЕСПРОБУДНО ПЬЯНСТВУЮЩИХ, УМЕЮЩИХ ВСТАВИТЬ КРЕПКОЕ СЛОВЕЧКО АЛЬФА-САМЦОВ, ВЕДУЩИХ СЕБЯ НА РАВНЫХ СО СТАРШИМИ ОФИЦЕРАМИ ПОЛИЦИИ.

Я добрался до своего милого домика в Суррее. Счастливый брак, двое маленьких детей, играющих в саду: контраст с домами, в которых произошли убийства, был поразительным. Я знал, что в тот день моей жены, Джен, дома, скорее всего, не окажется, – она была на учебе.

Зайдя в дом, я отпустил няню, ринулся к телефону, получил самую актуальную информацию и обсудил с полицией и следователем, нужно ли мне приехать вечером в Хангерфорд. Они настаивали, чтобы я приехал. Я пообещал отправиться в путь, как только дождусь возвращения жены.

Я включил радио, чтобы послушать, пока завариваю детям чай, не появилось ли какой-либо новой информации. Затем я их искупал, прочитал сказку на ночь и уложил в кровать.

«Спокойной ночи», – пожелал им я, как делаю это всегда.

Я был заботливым отцом, в первую очередь думающим о своих детях. Но точно так же я был и судмедэкспертом, которому отчаянно хотелось сесть в машину и увидеть своими глазами подробности самого большого дела, с которым я сталкивался за свою пока еще недолгую карьеру. Когда пришла Джен, судмедэксперт окончательно взял верх. Поцеловав ее на прощание, я помчался на улицу.

Криминалист объяснил, что мне нужно свернуть с трассы М4 на 14-й развязке и ждать на съезде, пока за мной не приедет полиция для сопровождения. Вскоре со мной поравнялась полицейская машина, и два мрачных лица повернулись в мою сторону. Здраваться они и не думали. «Доктор Шеперд?» Я кивнул. «Следуйте за нами».

Конечно, все это время я продолжал слушать радио и уже знал, что резня закончилась смертью стрелка. Им оказался некто Майкл Райан 27 лет, который без какой-либо явной причины прошелся по Хангерфорду, вооруженный двумя полуавтоматическими винтовками и пистолетом «беретта». Теперь он был уже мертв – то ли застрелился, то ли это за него сделал снайпер. Журналистов не пускали, пострадавших отправили в больницу, местные жители заперлись по домам – на улицах города остались лишь полицейские и трупы.

Мы проехали через блокпост, и я очень медленно ехал вслед за полицейской машиной по устрашающе пустынным улицам. Последние вытянутые лучи заходящего солнца пронизывали этот город-призрак, купая его в мягком, теплом свете. Все живые были у себя дома, однако, судя по окнам, верилось в это с трудом. Никаких машин, кроме наших двух, на дороге не было. Не лаяли собаки. Даже птицы хранили молчание.

По пути мы наткнулись на покосившийся красный «Рено» на обочине. Прямо на руле лежало тело женщины. Двигаясь дальше, мы заехали в южную часть города и увидели по левую руку тлеющие остатки дома Райана. Дорога была перекрыта. В изрешеченной пулями патрульной машине на сиденье было неподвижное тело полицейского. В нее врезалась синяя «Тойота», водитель которой также был мертв.

СУДМЕДЭКСПЕРТЫ – ЛЮДИ, ВЫПОЛНЯЮЩИЕ НЕОБХОДИМУЮ РАБОТУ, НА КОТОРУЮ У ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ НЕ ХВАТИЛО БЫ ДУХУ.

Пожилой мужчина, лежащий в луже крови у своей садовой калитки. Пожилая женщина на дороге, тоже мертвая. Лицом вниз. Из новостей я знал, что это, должно быть, мать Райана. Она лежала снаружи своего догорающего дома. Далее мужчина на тропинке, с собачьим поводком в руках. Обычный августовский вечер, почти ночь, совершенно обычные улицы, и на фоне этого столько беспорядочных, необъяснимых убийств – все это казалось чем-то

нереальным. Ничего подобного в Англии раньше не случилось.

Доехав до участка, мы остановились. Хлопнула дверь моей машины, потом хлопнула дверь машины полиции, и после этого тяжелая тишина снова стала обволакивать Хангерфорд. Прошло несколько лет, прежде чем мне довелось снова услышать подобную тишину – тишину, которая следует за ужасом. Обычно на месте убийства кипит возня – полицейские в форме, следователи, криминалисты; люди шуршат бумагами, делают снимки, звонят, охраняют дверь. Чудовищность же всего произошедшего в тот день, казалось, заморозила Хангерфорд до такого состояния, которое я могу сравнить лишь с мышечным окоченением.

Полицейский участок больше напоминал жилой дом: ремонт был в самом разгаре, на земле валялись куски штукатурки, с потолка свисали провода. Должно быть, со мной поздоровались. Наверное, я пожал чьи-то руки. Все условности, однако, как мне кажется теперь, спустя многие годы, соблюдались в полной тишине.

Я БЫЛ ОДНОВРЕМЕННО ЗАБОТЛИВЫМ ОТЦОМ И СУДМЕДЭКСПЕРТОМ, КОТОРОМУ ОТЧАЯННО ХОТЕЛОСЬ УВИДЕТЬ СВОИМИ ГЛАЗАМИ ПОДРОБНОСТИ УБИЙСТВ.

Вскоре потемнело окончательно, и я уже сидел в полицейской машине, направляясь в школу, в которой заперся, а потом застрелился Майкл.

Мы не спеша продвигались по неподвижным улицам, и в свете фар показалась разбитая машина – ее обездвиженного водителя было отчетливо видно. Я снова вышел, чтобы осмотреться. Свет от моего фонарика скользнул по ногам, по туловищу, по голове. Что ж, никаких сомнений в причине смерти и быть не могло. Огнестрельное ранение в лицо.

Мы остановились еще у одной машины, а потом еще у нескольких. Каждый раз огнестрельные ранения были в разных частях тела. В кого-то он выстрелил один раз, в кого-то палил снова и снова.

В стороне стояли эвакуаторы, ожидающие, когда полиция заполнит все бумаги и достанет тела. Я повернулся к полицейскому за рулем. Мой голос нарушил

тишину, словно звук разбитого стекла:

– Мне нет никакой необходимости осматривать остальные тела прямо на месте. Нет никаких сомнений по поводу того, как они умерли, так что я могу разобраться с ними на вскрытии.

– Но на Райана вы должны все-таки взглянуть, – ответил он.

Я кивнул.

МЕНЯ ЗАХЛЕСТНУЛ ВЕСЬ УЖАС УВИДЕННОГО В ТОТ ДЕНЬ, И Я СВЕРНУЛ НА ОБОЧИНУ И СИДЕЛ В ПОЛНОЙ ТЕМНОТЕ В МАШИНЕ, ПОКА МИМО ПРОНОСИЛИСЬ ДРУГИЕ АВТОМОБИЛИ.

У школы Джона О'Гаунта полицейских было гораздо больше. Когда я зашел внутрь, меня ввели в курс дела.

– Он сказал, что у него бомба. Мы его пока не обыскивали, так как боялись, что она рванет, если его пошевелить. Но нам нужно, чтобы вы на него глянули и констатировали смерть. На случай если его разорвет, когда мы к нему полезем. Хорошо?

– Хорошо.

– Но вам бы лучше не двигать его, сэр.

– Хорошо.

– Вам дать бронежилет?

Я отказался. Он предназначен для защиты от пуль, так что от него было бы мало толку при столь близком взрыве. К тому же в мои планы не входило двигать тело.

Мы поднялись по лестнице. Этот резиновый запах школы. А когда они открыли дверь в класс, я увидел парты. Часть парт были подвинуты, однако большинство стояло аккуратными рядами. На стенах были фотографии и всякие диаграммы. Совершенно обычный класс. Если не считать трупа в сидячем положении у доски.

Убийца был одет в зеленую куртку. Можно было подумать, что он пришел с охоты, если бы не дыра от пули в голове. Его правая рука лежала на колене. В ней был зажат пистолет «беретта».

Присев напротив него, я услышал, как все полицейские тихонько уходят. Дверь закрыли снаружи. По рации кто-то сказал: «Начинаем».

Я остался в классе один на один с самым ужасным массовым убийцей в Великобритании. У которого, возможно, была бомба. Стать судмедэкспертом меня подтолкнули книги выдающегося судебного медика, профессора Кейта Симпсона. Только вот я не помнил, чтобы он хотя бы в одной из них упоминал, что может случиться нечто подобное.

У ЛЮДЕЙ ЕСТЬ ПОТРЕБНОСТЬ ЗНАТЬ ПРО КОНКРЕТНЫЕ СМЕРТИ И ПРО СМЕРТЬ В ОБЩЕМ.

Я остро ощущал все, что происходит вокруг меня. Перешептывания за дверью. Дуговые лампы снаружи, отбрасывающие на потолок темные тени, которые накладываются друг на друга. Тоненький луч моего собственного фонаря. Запах мела и пота, странным образом перемешанный с запахом крови. Я пересек комнату, не сводя глаз с тела в углу. Дойдя до него, я встал на колени, чтобы получше его рассмотреть. Пистолет, которым в тот день было убито столько людей, был направлен прямо на меня.

Майкл Райан выстрелил себе в правый висок. Пуля прошла навывлет через другой висок. Я увидел ее, когда уходил из класса: она застряла в доске объявлений на противоположной стене.

Я поговорил с полицейскими. Никаких скрытых проводов не было. Причиной смерти стало огнестрельное ранение с правой стороны головы, типичное для

самоубийства.

Покинув это мрачное, пропитанное смертью место, я почувствовал облегчение и поддал газу на трассе. Только вот зловещая тишина Хангерфорда, казалось, просочилась в мою машину и ехала вместо со мной грузным незванным пассажиром. Внезапно меня захлестнул ужас от всего увиденного в тот день. От всей невообразимой чудовищности произошедшего. Я свернул на обочину и сидел в полной темноте в машине, пока мимо проносились другие автомобили.

Остановившуюся позади меня полицейскую машину я заметил только после того, как услышал стук в свое окно.

– Простите, сэр. У вас всё в порядке?

Я объяснил, кто я такой и где только что был. Полицейский кивнул, осмотрелся, смерил меня оценивающим взглядом, решая, верить ли мне на слово.

– Мне просто нужно минутку передохнуть, – сказал я. – А потом поеду дальше.

Полицейские знают про переходный момент между работой и домом. Он снова кивнул и вернулся в свою машину. Конечно, он проверил мой рассказ. Спустя несколько минут в тишине я уже осознал, что Хангерфорд остался позади, а впереди меня ждал дом. Я моргнул фарами, махнул на прощание рукой и присоединился к потоку машин. Полицейская машина поехала следом за мной, какое-то время меня сопровождая, а затем сдала назад и развернулась. Я продолжил свою дорогу домой.

Когда вернулся, дети крепко спали, а Джен смотрела телевизор в гостиной.

– Я знаю, где ты был, – сказала она. – Было ужасно?

Да. Но я только и позволил себе, что пожать плечами. Повернулся к ней спиной, чтобы она не видела моего лица. Мне захотелось выключить новости по телевизору, в которых журналисты с таким возбуждением обсуждали случившееся в Хангерфорде. Для меня же в этих погибших больше не было ничего волнительного. Это были просто мужчины и женщины, безжалостно убитые, когда они занимались своими повседневными делами, которые казались

им важными и срочными, пока не пришел столь внезапный конец. Для них уже ничто не было важно. Спешить было некуда.

УБИЙСТВА ЧАЩЕ ВСЕГО СОВЕРШАЮТСЯ В ПЫЛУ ЭМОЦИЙ, ПЛОХО ПОДДАЮТСЯ ЛОГИКЕ И ЗАРАНЕЕ НЕ ПЛАНИРУЮТСЯ.

Поздней ночью я стал делать звонки, чтобы организовать проведение всех вскрытий на следующий день. Я надеялся помочь полиции воссоздать обстоятельства каждой смерти, а значит, с помощью показаний свидетелей восстановить хронологию действий Райана в тот день. Очень важно понять, как все в точности произошло. Это крайне нужно всем, кого случившееся затронуло, это нужно общественности.

На следующее утро я провел несколько рядовых вскрытий: пьяницы, наркоманы и сердечники, все из Вестминстерского морга. Мои коллеги всё расспрашивали меня о подробностях случившегося в Хангерфорде, а полиция тем временем доставляла последние тела в Королевскую больницу Беркшира в Рединге. Я прибыл туда в два часа дня, меня поприветствовал местный персонал, и я познакомился с ними поближе, как это давно принято в нашем деле, за чашечкой чая. Горячий заваренный напиток всегда считался неотъемлемым атрибутом морга – одновременно и право, и обязанность – перед тем как патологоанатом возьмется за вскрытие.

Вдруг дверь распахнулась, и внутрь вбежала Пэм Дерби – наша крохотная, но выполнявшая чрезвычайно важную работу секретарша.

– Итак! – сказала она.

Она всегда вела себя как начальник и теперь отыгрывала на все сто. Два недовольных ассистента морга плелись позади нее с компьютером в руках.

– Куда я могу это подключить?

Это была не просьба, это было требование. Персональные компьютеры были только на заре своего развития, и в 1987 году представляли собой весьма внушительные агрегаты. Наш был настолько большим, что Пэм пришлось везти

его из больницы Гая на фургоне.

Она увидела, что на мне зеленый фартук и белые резиновые сапоги – я только начал проводить внешний осмотр и настраивал рентгеновский аппарат. Я был готов к вскрытию.

– Нет-нет-нет, ты не можешь начинать, пока не прогреется компьютер, а это минимум минут десять, иначе мне потом за тобой не успеть. Лучше сделай-ка мне чашечку чая, – дала она указание. Иэн Уэст явно заблуждался, полагая, будто отделением руководит он.

ГОРЮЮЩИЕ РОДСТВЕННИКИ ВРЯД ЛИ ОБРАДОВАЛИСЬ БЫ, УЗНАВ, ЧТО УБИЙЦА ЛЕЖИТ В ОДНОМ МОРГЕ СО СВОИМИ ЖЕРТВАМИ, А УЖ ТЕМ БОЛЕЕ В ОДНОЙ СЕКЦИОННОЙ.

Когда компьютер и чайник зашумели, Пэм уселась за клавиатуру.

– Толку от всей этой ерунды никакого; и так всем ясно, что их застрелили, – выпалила она.

Пэм была прекрасно знакома с тем, что настоящие убийства чаще всего совершаются в пылу эмоций, плохо поддаются логике и заранее не планируются. Вот почему она и остальной персонал любили расслабиться за чтением какого-нибудь детективного романа, в котором убийца оставляет четкие улики и в итоге весь пазл складывается в однозначную картинку. Как же все это отличается от настоящих расследований, в которых правда бывает многоликой, факты зачастую противоречат друг другу, да и истолковать их можно по-разному.

Она была права: никакой загадки перед нами сегодня не стояло. Тем не менее все эти люди были чьими-то братьями и сестрами, отцами и матерями, мужьями и женами, чьими-то детьми. Каждый из них был особенным для своих родных и друзей, и каждый был пазлом, который мне предстояло собрать. Шесть столов стояли до самой стены, и на каждом втором из них лежало по телу: пустые столы между ними были нужны, чтобы собрать по пакетикам и задокументировать те сотни образцов, которые мы собирались взять.

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОВОДИТСЯ ДЛЯ ВСЕХ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ, НЕЕСТЕСТВЕННЫХ, ПРОИЗОШЕДШИХ ПО НЕИЗВЕСТНЫМ ПРИЧИНАМ СМЕРТЕЙ, А ТАКЖЕ ДЛЯ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.

Первым на очереди было тело Майкла Райана. Пожалуй, горющие родственники вряд ли обрадовались бы, узнав, что он лежит в одном морге со своими жертвами, а уж тем более в одной секционной. Всем попросту хотелось, чтобы он исчез. СМИ упорно продолжали с циничным ликованием рассказывать о том, что его ликвидировали силы спецназа – несмотря на то что после моего визита предыдущим вечером полиция в своем пресс-релизе подтвердила, что преступник покончил с собой. Теперь нам еще нужно было сказать, что вскрытие также подтвердило самоубийство.

Вскрытие обычно проводится в двух случаях. Оно может быть выполнено после естественной смерти – как правило, в больнице, – даже если причина смерти была известна, чтобы подтвердить поставленный пациенту диагноз, а также, если получится, оценить эффективность лечения. У близких родственников покойного в таком случае просят разрешение на вскрытие, от которого они имеют полное право отказаться. К счастью, многие соглашаются. Своим решением они могут помочь другим пациентам, предоставив врачам прекрасную возможность узнать что-то новое и усовершенствовать имеющиеся методики. Дать согласие на подобную просьбу о проведении вскрытия мне кажется весьма благородным поступком.

Вторая ситуация – когда причина смерти неизвестна либо имеются основания предполагать, что она произошла не по естественным причинам. В таком случае к делу привлекают судебного следователя – коронера. Для всех подозрительных, неестественных, произошедших по неизвестным причинам смертей, а также для жертв преступлений проводится не просто вскрытие, а судебно-медицинское исследование – тело максимально подробно изучается как снаружи, так и изнутри. На основе всей полученной информации судмедэксперт составляет отчет о вскрытии.

ЕСЛИ ВЫЯСНИТЬ, ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕК УМЕР, НЕ УДАЕТСЯ, ТО МЫ ТАК И ЗАПИСЫВАЕМ – ХОТЯ ПЕРЕД ЭТИМ ОБЫЧНО ПРИВОДИМ ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ.

Отчет должен официально подтвердить личность покойного, что само по себе является весьма долгой и сложной процедурой, довести до конца которую порой и вовсе не представляется возможным. В отчете также объясняется, почему вскрытие изначально было запрошено полицией или коронером. В нем перечисляются все лица, присутствовавшие во время вскрытия, а также приводятся подробные результаты всех проведенных впоследствии лабораторных анализов.

Основную часть отчета составляет описание того, что удалось обнаружить судмедэксперту. Обычно мы как-то объясняем все, что удалось обнаружить, и в завершение записываем причину смерти. Если однозначно выяснить, почему человек умер, не удастся, то мы так и записываем – хотя перед этим обычно приводим возможные причины.

Несмотря на многие годы изучения внешнего вида внутренних органов человека и их микроскопической структуры при тысячах возможных заболеваний, самая важная часть вскрытия – зачастую банальный внимательный осмотр тела. В ходе этого подробного внешнего осмотра мы измеряем и записываем размер, местоположение и форму каждого рубца и кровоподтека, а также всех огнестрельных и колотых ран. Это может показаться относительно простым по сравнению с проведением медицинских анализов внутренностей, однако данная часть вскрытия зачастую оказывается самой важной для воссоздания обстоятельств убийства. Можно запросто поспешить с внешним осмотром, сочтя его обычной формальностью, однако потом, когда тело уже будет сожжено, есть вероятность об этом пожалеть.

Майкл Райан был массовым убийцей. Он застрелил 16 человек и почти столько же ранил. Вплоть до этого момента в работе я имел дело главным образом с жертвами несчастных случаев, преступлений и людьми, которым просто не повезло. Я почти никогда не видел преступников, и уж точно никогда не видел кого-либо, посеявшего столько смертей и увечий. Мог ли я, должен ли я был обращаться с телом Райана так же почтительно, как с трупами его жертв?

Я знал, что должен. В секционной нет места чувствам. Подозреваю, одним из важнейших моих навыков было не испытывать внутреннего отвращения, которое, как могло бы показаться обычному человеку, было бы не просто оправданным, а необходимым. Так что какими бы ни были мои чувства к этому человеку и его действиям, я попросту изгнал их из разума и сердца. Я понимал,

что это вскрытие требует не меньшей, если не большей скрупулезности и внимательности, чем любое другое. Только после тщательного и полного физикального исследования я мог предоставить коронеру всю необходимую для расследования информацию. Я понимал, что ему нужны однозначные доказательства, чтобы отвести любые сомнения или неизбежные теории заговора в будущем.

Мне было сложно представить, что худощавый молодой человек, лежащий нагишом на столе для вскрытия, только что устроил резню. Все вокруг – полицейские, персонал морга, даже Пэм – смотрели на него недоумевающими глазами. Он выглядел таким же беззащитным, как любая жертва преступления. Как любая из его собственных жертв.

САМАЯ ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ВСКРЫТИЯ – ЗАЧАСТУЮ БАНАЛЬНЫЙ ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ОСМОТР ТЕЛА.

Затем я взялся за работу: мне нужно было провести полный осмотр его тела, в особенности входного и выходного пулевых отверстий на голове, затем вскрыть его тело для внутреннего осмотра, взять образцы тканей для химико-токсикологического анализа и, наконец, отследить траекторию пули внутри его мозга.

Когда я начал работать, вокруг воцарилась гробовая тишина. Никаких звонков, болтовни, никакого стука. Никаких закипающих чайников, никакого чая. Полная тишина. Казалось, даже температура в помещении заметно упала.

Как только я закончил, его укатали. Никому не хотелось находиться рядом с ним, с этим странным человеком, который тихо-мирно жил с мамой, скрывая свою одержимость огнестрельным оружием и неизвестно о чем думая.

Теперь я взялся за жертв Райана и сразу же понял, что день будет длинным, тяжелым и напряженным. Холодильники открывались и закрывались, когда мы заканчивали одно вскрытие и брались за следующее. Не считая этого звука и моего голоса, диктующего Пэм информацию для записи, вокруг по-прежнему было тихо. Мне помогала судмедэксперт-практикант Жанетт Макфарлейн. Пэм печатала под диктовку, и целая толпа фотографов и полицейских ходили за

мною по пятам от стола к столу – самые старшие делали какие-то записи, другие забирали у меня образцы.

За спиной работал персонал морга – они мыли тела, разрезали их, а затем зашивали обратно и готовили к тому, чтобы показать родственникам.

Причины смерти не вызывали никаких вопросов – все умерли от огнестрельных ранений. Никто из жертв не умер от сердечного приступа, увидев озверевшего Райана с оружием. Тем не менее моей работой было искать какие-либо естественные болезни, которые могли вызвать смерть или ускорить ее наступление. Я должен был тщательно описать каждую рану, изучить ее, проследить траекторию пули. Я ходил вокруг каждого тела, давая указания фотографам, измеряя ранения, отмечая все необычное, любые отклонения, нараспев зачитывая свою литургию Пэм. Так постепенно вырисовывалась картина проведенного Райаном дня.

МОГ ЛИ Я, ДОЛЖЕН ЛИ Я БЫЛ ОБРАЩАТЬСЯ С ТЕЛОМ УБИЙЦЫ ТАК ЖЕ ПОЧТИТЕЛЬНО, КАК С ТРУПАМИ ЕГО ЖЕРТВ?

Жертвы, убитые с одного выстрела, как правило были застрелены с расстояния. Подобравшись к жертве вплотную, Райан, судя по всему, уже давал себе волю и стрелял вовсю.

Когда его мама, работающая в столовой, узнала о происходящем от подруги, она поспешила домой, чтобы уговорить его остановиться. Подруга довезла ее до южной части города, и она пошла по дороге к их дому мимо раненых и убитых людей, бесстрашно приближаясь к своему сыну.

– Остановись, Майкл! – закричала она.

Он повернулся к ней и выстрелил один раз ей в ногу из полуавтоматической винтовки, отчего она упала лицом на землю. Как мне кажется, тем выстрелом он хотел лишь ее обездвигнуть. После этого он подошел к ней вплотную, встал над ней и выстрелил дважды в спину, чтобы закончить начатое. Эти два пулевых отверстия были с обожженными краями и в саже, что характерно, когда стреляют с очень близкого расстояния – где-то сантиметров с 15. Наверное, он

просто не мог смотреть ей в лицо, когда убивал. До ее появления он не уходил далеко от дома, и лично у меня сложилось впечатление, что ее смерть спровоцировала его отправиться зверствовать по всему городу. Я предположил, что тем самым он вкусил необыкновенную и совершенно непривычную власть, которую давало ему оружие, над безоружными людьми.

Я ДОЛЖЕН ТЩАТЕЛЬНО ОПИСАТЬ КАЖДУЮ РАНУ, ИЗУЧИТЬ ЕЕ, ПРОСЛЕДИТЬ ТРАЕКТОРИЮ ПУЛЬ.

Следующие несколько дней я продолжал выполнять свою работу, медленно перемещаясь от одного тела к другому. Смерть этих людей положила неожиданный, жестокий конец их мирной и, пожалуй, в остальном однообразной жизни. Всех в морге это глубоко тронуло, однако мы не могли позволить себе поддаться нашему чувству ужаса – да даже просто взгрустнуть.

По сути, именно столько времени понадобилось мне, чтобы признать, насколько глубоко меня тронула эта резня. Тогда я не позволил себе ощутить в какой бы то ни было мере потрясение или даже грусть. Мы должны докапываться до правды с присущей врачам отчужденностью. Чтобы служить обществу, мы порой должны временно отказываться от определенных аспектов собственной человечности.

Я брал пример со своих коллег, и они никогда бы не стали проявлять подобных чувств, ни за что не позволили бы себе даже задуматься об этом. Нет, чтобы делать эту работу, я должен не забывать о несокрушимом профессионализме профессора Кейта Симпсона, который и вдохновил меня в подростковые годы пойти учиться на судмедэксперта. Разве он писал когда-либо про потрясение или ужас? Нет, в его книгах ни о чем таком и речи не было.

МЫ ДОЛЖНЫ ДОКАПЫВАТЬСЯ ДО ПРАВДЫ С ПРИСУЩЕЙ ВРАЧАМ ОТЧУЖДЕННОСТЬЮ. МЫ ПОРОЙ ДОЛЖНЫ ВРЕМЕННО ОТКАЗЫВАТЬСЯ ОТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ АСПЕКТОВ СОБСТВЕННОЙ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ.

Когда Иэн вернулся из отпуска, он не стал расспрашивать меня о событиях в Хангерфорде, не стал давать мне каких-либо советов – он вообще ни разу не упомянул о случившемся. Очевидно, он злился из-за того, что я взялся за столь громкое дело в его отсутствие, хотя замещать его во время отпуска и было моей работой. Мог ли я связаться с ним, чтобы попросить прервать свой отпуск? Возможно, ради такого он бы непременно приехал. Мы оба знали, что столь громкое дело должно стать его: у него был большой опыт работы с жертвами взрывов и пуль ИРА – баллистика была его специализацией.

Свою ярость он скрывал за маской хладнокровия, однако постепенно от коллег до меня стали доходить слухи, будто Иэн считал, что одной из наибольших глупостей Райана было совершить свою резню, пока он, Иэн, был в отпуске. И между собой мы добавляли, что (словно это не было уже достаточно глупо) Иэн считал, будто застрелиться со стороны Райана было полным идиотизмом, так как это лишило прославленного доктора Уэста возможности блистательно выступить в суде.

Долгое время случившееся в Хангерфорде оставалось между нами, однако мое положение в больнице Гая, да и, пожалуй, стране в целом, без всякого сомнения, изменилось вследствие проделанной мной работы по этому делу. Я больше не был младшим братом Иэна с глупо разинутым ртом, который слепо следовал за ним по пятам. Отныне я сам стал известным судебно-медицинским экспертом.

3

Мне не составило труда забыть мой странный эмоциональный флешбэк, мысленно вернувший меня к событиям 1987 года, когда я связался по рации с диспетчером, повернул самолет на последний заход и без происшествий приземлился. Я летел на самолете «Сессна-172», которым владею совместно с еще примерно 20 людьми в Ливерпуле. Мне доставляет удовольствие (а еще это мое безумие, поскольку на поезде от двери до двери получалось бы практически всегда быстрее) летать на встречи и вскрытия в другие уголки страны – мне это часто приходится делать.

В лучах солнца я проехал по взлетно-посадочной полосе небольшого покрытого травой аэродрома, добрался до своей стоянки и выключил двигатель. Покинув

самолет, я увидел ожидающих меня коллег и чувствовал себя прекрасно. Когда машина тронулась, я стал думать, не почудилось ли мне все это в небе. Может быть, в кабине была просто нехватка кислорода? Вряд ли, на высоте 1000 метров. Как бы то ни было, теперь я не сомневался, что моя реакция была не такой сильной, как мне казалось. Ну уж точно не панической атакой.

Во время обратного полета из-за более непостоянных погодных условий мне приходилось полностью сосредоточиться, и я почти не думал о Хангерфорде. Во всяком случае старался избегать подобных мыслей. В тот раз мне впервые пришло в голову, что всецелая поглощенность пилота тем, чтобы остаться в живых, которая подавляет все остальные мысли, чувства и страхи, возможно, является одной из причин того, что я стал летать.

Наконец я дома. Облака разошлись, обнажив мягкое вечернее солнце. Смешав себе виски с содовой, я расположился на террасе, чтобы насладиться последними лучами заходящего солнца.

Внезапно, однако, жемчужные летние сумерки и сопровождавшая их тишина напомнили мне про... Хангерфорд. Снова. Мое сердцебиение участилось. Я почувствовал необъяснимое головокружение – а ведь еще даже не притронулся к своему напитку. Я вновь оказался на улицах небольшого городка, а вокруг неподвижно лежали в лужах крови тела – у газонокосилок, в машинах, просто на тротуаре. Чувство страха схватило меня за грудь и с силой ее сжало.

Я сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Я напомнил себе, что теперь уже разобрался, в чем дело. Мой собственный разум играл со мной. Иначе быть не могло. Так что, если хорошенько постараться, я должен взять ситуацию под контроль. Иначе никак.

Продолжаю глубоко дышать. Закрываю глаза. Я должен это подавить. Раздавить, как лед в скрюченных пальцах.

Постепенно мое тело расслабилось. Мой сжатый кулак ослабил хватку. Мое дыхание стало более глубоким. Плохо слушающимися руками я поднес стакан к губам. Да. Все снова было под контролем.

К тому времени, как осушил стакан, я мог уверенно ответить на те два вопроса, которыми задавался в самолете тем утром. Нет, мне не нужно обращаться к

психологу и уж тем более к психиатру: сама мысль об этом показалась мне абсурдной. И не было никаких веских причин, чтобы я перестал работать судебно-медицинским экспертом. Что бы со мной сегодня ни произошло, вскоре это пройдет, и мне станет лучше. Определенно.

Несколько месяцев спустя, осенью 2015 года, скоординированная террористическая атака на парижские бары, рестораны, спортивный стадион и концертный зал унесла 130 жизней, оставив сотни раненых. Я услышал новости о случившемся по радио, когда был на вызове. Журналисты рассказывали о случившемся на фоне воя сирен, сопровождающего любую чрезвычайную ситуацию, а также неразборчивых испуганных голосов. Звуковая панорама ужаса. Мне пришлось остановить машину.

ОСЕНЬЮ 2015 ГОДА СКООДИНИРОВАННАЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ АТАКА НА ПАРИЖСКИЕ БАРЫ, РЕСТОРАНЫ, СПОРТИВНЫЙ СТАДИОН И КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ УНЕСЛА 130 ЖИЗНЕЙ, ОСТАВИВ СОТНИ РАНЕННЫХ.

Я сидел в машине у обочины рядом со своим домом, закрыв глаза. Но они продолжали видеть, а уши продолжали слышать. Синие проблесковые маячки «скорой». Полицейские ограждения. Ряды столов для вскрытия в ослепительно ярком свете ламп морга, а на них части человеческих тел. Стрельба. Сообщения по рации. Крики раненых. Тела прямо передо мной. Запах смерти в ноздрях. Стопа, кисть, ребенок. Молодая девушка, танцевавшая в ночном клубе, с выпущенными наружу внутренностями. Мужчины в костюмах с галстуками, но без ног. Офисные работники, разносчицы чая, студенты, пенсионеры. Жизнь каждого из них была оборвана.

Я не был уверен, какая именно трагедия предстала у меня перед глазами: теракты на Бали, взрывы в Лондоне, железнодорожная катастрофа на развязке Клэпхем, потонувший на Темзе в 1989-м прогулочный корабль, сентябрь в Нью-Йорке, массовое убийство в графстве Камбрия... А может, это были они все, вместе взятые.

Я ждал, пока нахлынувшая на меня волна не спадет. Когда все закончилось, мне было горько и страшно. Запах разлагающегося человеческого тела, казалось, витал в машине еще несколько минут. Я сделал несколько глубоких вдохов. Прошло.

Снова завел машину. Я был потрясен, но держал себя в руках.

Может быть, мне все-таки нужно поговорить об этом со специалистом. Со священником, может быть? В общем, с кем-то, чья работа заключается в том, чтобы принимать человеческие слабости и делать нас сильнее.

Непроизвольно я покачал головой. Конечно же нет, произошедшее в Париже стало ужасной трагедией, однако меня никто не вызывал, чтобы помочь, и ко мне они не имели никакого отношения. У меня было всеобъемлющее представление о смерти, и я ни капли ее не боялся. От новостей из Парижа каким-то образом разошлись швы старой раны, и из нее хлынули воспоминания, но теперь она снова заросла. Представляя, какая бессонная ночь ждет моих коллег из Франции, я им мысленно посочувствовал.

Так что я продолжил свой путь. В морг, чтобы делать свою обычную работу. Ну конечно, со мной все будет в порядке.

4

С раннего детства у меня были одновременно близкие и отдаленные отношения со смертью. Я вырос в уютном доме под Лондоном. Мой отец был бухгалтером в муниципалитете, они с моей матерью переехали с севера Англии, чтобы попытаться счастья на юге. Разбогатеть ему не удалось, однако жили мы весьма неплохо: люди, любящие вешать ярлыки, причислили бы нас к мелкому среднему классу. Моя сестра старше меня на десять лет, а брат – на пять. Родители души во мне не чаяли, и наша семья была необычной только в одном. У нашей матери были проблемы с сердцем, и она постепенно умирала.

В детстве она переболела ревматической лихорадкой, одним из осложнений которой стало прогрессивное разрушение митрального клапана сердца. Я это знаю сейчас. Тогда же мне только и было известно, что у нее частенько бывала одышка даже после небольшой нагрузки и ей, в отличие от матерей других детей, частенько приходилось присаживаться.

Моя старшая сестра Хелен заверила меня, что когда-то наша мама была энергичной и веселой женщиной, которая безжалостно вытаскивала нашего сопротивляющегося и, скорее, замкнутого отца на танцпол при любой возможности. Которая в молодости колесила с ним на велосипеде-тандеме по Европе, как раз перед началом войны. Которая всегда была душой компании.

Мне нравилось сидеть в гостиной и слушать рассказы сестры про нашу маму. Стены тогда были по большей части голыми, однако ковер с завитками с лихвой это компенсировал. В углу стоял крошечный черно-белый телевизор – из тех, на экране которых после выключения по центру оставалась белая точка, продолжая гипнотизировать еще несколько минут. Еще у нас была радиола – громадное устройство, сочетавшее в себе проигрыватель и радиоприемник, – с сетчатым покрытием спереди, из нее доносилась разнообразная классическая музыка, которая в рядах амбициозного среднего класса считалась благотворно влияющей на развитие. Приятно горел электрокамин, хотя света от него, пожалуй, было больше, чем тепла. Кресла, может, и были потертыми, однако специально были накрыты тканевыми салфетками.

В больницу мама попадала часто и надолго, во всяком случае, так мне казалось в детстве. Меня частенько отправляли на море к бабушке в Литам-Сейнт-Аннес или к тете в Стокпорт, и я лишь намного позже узнал, что делалось это не ради того, чтобы я порезвился на пляже или повидался со своими двоюродными братьями и сестрами, а чтобы маму прооперировали в мое отсутствие.

Будучи дома со мной она изо всех сил старалась быть нормальной. Она вставала каждое утро и с любовью собирала меня в школу (даже самые маленькие дети в те времена ходили в школу одни). Лишь когда однажды, забыв дома скрипку, я неожиданно вернулся домой и застал ее снова в кровати, я осознал, что она каждое утро возвращалась обратно в постель, стоило только мне выйти из дома. Став свидетелем этого моего открытия, она была потрясена не меньше меня. Боюсь, я был настолько ошеломлен, что даже упрекнул эту несчастную женщину. Мне хотелось, чтобы она пошла на поправку и стала той матерью, которой, как все говорили, она когда-то была. Но даже я видел, что она исчезала прямо у меня на глазах.

Однажды в декабре, вернувшись из школы, я не застал ее дома. Она была в больнице – Ройал Бромптон, – как я узнал впоследствии. Снова анализы, снова постельный режим. Ей было 47.

Меня привели навестить ее на Рождество. Мои воспоминания о том визите практически разрушились под весом последующих воспоминаний о бесчисленных больницах, в которых я побывал по работе. Я могу копнуть глубже сквозь слой прожитых лет, пробираясь через пласты памяти, и добраться до Рождества 1961 года, однако стоит мне там только на что-то взглянуть, как мои находки рассыпаются на части. Их можно уловить лишь беглым косым взглядом.

Меня предупредили, что девятилетних детей обычно в палаты не пускают и сказали вести себя максимально послушно. Меня повели по коридорам с высокими потолками, в которых каждый звук создавал эхо. Мимо нас в спешке проходят суетливые медсестры в безупречной накрахмаленной униформе. По обе стороны коридора палаты. Запах дезинфицирующего средства. Через окно вдалеке просачивается желтый свет серого лондонского дня. Вдруг мой отец останавливается, и мы заходим в просторную палату. Паркет. Длинная череда кроватей, все белые, все готовы к приему новых пациентов. В моих воспоминаниях они все пустые. За исключением одной. В ней и лежит моя мама, которая, если верить моей памяти, была единственным пациентом в палате на Рождество.

Хотелось бы мне вспомнить, как моя мама меня поприветствовала. Думаю, она обняла меня и взяла за руку. Наверное, так и было. Думаю, я забрался к ней на кровать и показал подаренные мне игрушки. Может быть, я распаковал вместе с ней какие-то подарки. Наверное, так и было. Хочется надеяться, что так и было.

Несколько недель спустя холодным январским утром я встал, как обычно, пораньше и вышел из комнаты, которую мы делили с братом Робертом, чтобы пробраться в родительскую спальню и прилечь рядом со своим отцом. Я делал так каждое утро. В тот день, однако, что-то было не так. Кровать оказалась холодной. Постель не была помятой. Он явно в ней не спал.

Я поплелся к лестнице. Горел свет. Свет в доме рано утром. И голоса. Они говорили не так, как обычно говорят днем. Это были приглушенные голоса, которые обычно можно услышать в ночное время. Интонации были странными: в них прослеживались нотки тревоги, которые я тогда не распознал. Украдкой я вернулся в кровать. Лежал в ожидании. Переживал. Что-то случилось, и вскоре кто-нибудь непременно мне все объяснит.

Наконец вошел отец. Он плакал – это было ужасающе. Мы уставились на него – Роберт щурился спросонья. Наш отец сказал: «Ваша мать была удивительной

женщиной».

Мне, в мои девять лет, было не уловить скрытого смысла его слов. Роберту пришлось мне объяснить, что означало употребленное им прошедшее время, что про нашу маму теперь можно говорить лишь в прошедшем времени. Потому что она умерла.

В итоге я узнал, что отец с сестрой предыдущим вечером пошли, как обычно, навестить ее в больницу Ройал Бромптон. Ей все еще было плохо, однако хуже ей, казалось, тоже не стало. Пожелав ей спокойной ночи, они собрались было уходить, как вдруг медсестра отозвала их в сторонку и сказала: «Вы же понимаете, насколько она больна? Боюсь, миссис Шеперд не переживет эту ночь».

Эта новость стала потрясением – до сих пор никто и не задумывался, что она может умереть. Когда мысль о такой возможности и приходила в голову моему отцу либо его предупреждали о ней врачи, он убеждал себя, что этого не случится. В больнице ей должны были помочь. Ее навещали родные. Вот как все было. Никто не ожидал, что наступит конец.

На самом деле ее болезнь была в терминальной стадии. У нее была сердечная недостаточность, и теперь на ее фоне развилась бронхопневмония, болезнь, которую частенько называют другом стариков, так как она избавляет больных от их страданий. Ей было не под силу справиться с пневмонией, хотя теперь появились антибиотики, которые могли справиться с этой инфекцией. Если бы только пенициллин изобрели раньше, чтобы не дать ревматической инфекции повредить ее сердце в детстве.

Годы спустя, когда я учился на медицинском, мой отец достал из специального ящика отчет о ее вскрытии и с мрачным видом попросил объяснить, что в нем написано. Я объяснил ему, что в результате реакции на ревматическую лихорадку в детстве ее организм начал выделять в кровь специальные вещества, призванные убить бактерии. Проблема была в том, что эти вещества атаковали не только инфекцию, но и ее собственные ткани – в данном случае, как это часто бывает, пострадал митральный клапан ее сердца. Этот клапан, контролирующий поток крови через левую половину сердца, покрылся рубцами и открывался лишь частично. Каждый раз, когда маму клали в больницу на операцию на открытом сердце, хирург, по сути, просовывал через клапан палец, чтобы раскрыть его створки. Благодаря этому они начинали открываться более

свободно, и кровоток между левым предсердием и левым желудочком восстанавливался. Ну или во всяком случае улучшался на некоторое время.

КОГДА Я УЧИЛСЯ НА МЕДИЦИНСКОМ, МОЙ ОТЕЦ ДОСТАЛ ИЗ ЯЩИКА ОТЧЕТ О ВСКРЫТИИ МАМЫ И С МРАЧНЫМ ВИДОМ ПОПРОСИЛ ОБЪЯСНИТЬ, ЧТО В НЕМ НАПИСАНО.

Вот почему она так часто попадала в больницу в изможденном состоянии и возвращалась оттуда с новыми силами. Только каждый раз состояние ее улучшалось все меньше и меньше.

Это были первые операции на открытом сердце, новаторство в медицине той эпохи, однако выигрывать битву против неподатливого сердечного клапана, который организм пациента был решительно настроен уничтожить, было попросту невозможно. И действительно, когда я через десять лет поступил на медицинский, от подобного лечения уже отказались. Теперь ей могли бы поставить новый, искусственный сердечный клапан, благодаря которому она бы выжила и еще многие годы могла жить активной жизнью.

Я пришел в гости к своему другу Джону, живущему по соседству с нами. Была суббота, и вся семья была в сборе. Его мама тепло меня приняла, а на глазах у нее наворачивались слезы. Мы смотрели вместе с другом мультфильмы, но даже когда там происходило что-то смешное, мне казалось, что я не должен смеяться.

Все продолжилось вскоре после этого, когда я вернулся домой из школы: приехала вся родня, и вокруг было много цветов. Позже я догадался, что так проходили похороны. Никому и в голову не пришло, что мне лучше уйти. Когда я вошел, все смотрели на меня с состраданием. Что именно они ожидали, чтобы я сделал, сказал? Я ничего не почувствовал. Наверное, глубоко внутри меня представление о смерти все еще полностью не сложилось. Моя мама так часто пропадала раньше, и при этом всегда возвращалась. Возможно, несмотря на происходящее, подсознательно я все еще верил, что она вернется и в этот раз.

Оглядываясь назад, на ранние годы своей жизни, я нахожу мало воспоминаний о своей матери и совершенно ничего к ней не чувствую. Была ли причина в том, что она так часто пропадала в больнице, а если и была дома, ее присутствия я

странным образом почти не ощущал? Как так получилось, что я столько всего помню с тех времен про свою бабушку, своего брата, сестру, отца, тетю... однако там, где должна быть она, сплошная пустота? Причем, полагаю, так всегда и будет.

После ее смерти произошло самое неожиданное. Мой отец стал другим. Думаю, он понимал, какую утрату мы понесли, и стал стараться быть для нас одновременно отцом и матерью, чтобы как-то ее компенсировать. Он перестал быть замкнутым и отрешенным, превратившись в невероятно любящего мужчину. Моя старшая сестра всячески помогала, хотя в момент смерти матери ей было 19 и она уже уехала из дома учиться в педагогический колледж. Мой отец надеялся, что она вернется, чтобы присматривать за парнями, однако она поступила разумно и возвращаться не стала – хотя и осталась навсегда самой любящей старшей сестрой на свете, всегда готовой помочь и поддержать, даже после того как несколько лет спустя вышла замуж.

Мой папа управлялся с домом, ходил за покупками, готовил и работал полный рабочий день в то время, когда отцы-одиночки были редкостью, а идеология общества потребления была в настолько зачаточном состоянии, что большинство магазинов были открыты исключительно в рабочие часы.

Папа упорно верил, что все возможно, если на это настроиться. Так что он поменял проводку в доме, покрасил кухню, починил машину, научился готовить (что, надо признать, получалось у него не всегда отменно). Кроме того, ему каким-то образом удалось организовать свою жизнь так, чтобы удовлетворять наши потребности – в том числе он открыл в себе новую способность в больших количествах дарить и принимать любовь. Оглядываясь назад, я им восхищаюсь.

У меня есть небольшая черно-белая фотография моего отца с крупным длинноногим ребенком – мной, – свернувшимся у него на коленях. Мы оба спим. Эта фотография совершенно немыслима для своего времени. Мужчины послевоенных лет были выращены отцами, жившими еще в Викторианскую эпоху, и попросту не умели проявлять по отношению к своим детям столько любви и доброты.

Он позаботился о том, чтобы у меня было хорошее детство. Я ходил в школу, сдал экзамены «Одиннадцать плюс»[1 - Экзамен «Одиннадцать плюс» (англ. Eleven plus exam) – экзамен, сдаваемый некоторыми учениками в Англии и Северной Ирландии по окончании начальной школы, который позволял выбрать

учреждение для продолжения образования. Название испытания связано с возрастной группой детей, которые его сдают: 11-12 лет.], любил плавать, посещал местный яхт-клуб, пел в хоре, у меня была уйма друзей. Один из этих друзей был сыном терапевта. Когда нам всем было где-то по 13, он, чтобы напугать нас, «позаимствовал» у своего отца одну из его книг по медицине, стоящих на полках, и принес ее в школу. Это была «Судебная медицина Симпсона» (третье издание), написанная профессором Кейтом Симпсоном: небольшая, невзрачная красная книжка, которая выглядела крайне малообещающе снаружи. Внутри, однако, она оказалась напичкана фотографиями мертвецов. Точнее, в основном убитых людей. Они были задушены, повешены, казнены на электрическом стуле, зарезаны ножом, застрелены... Профессор Симпсон собрал все мыслимые и немыслимые ужасные виды смерти. Он видел все. Там была фотография узоров на коже, напоминающих по форме листья папоротника, которые порой остаются после удара молнии, сфотографированный изнутри череп ударенного по голове кирпичом мальчика, а также удивительная коллекция входных и выходных пулевых отверстий в купе с фотографиями тел в различных стадиях разложения.

У СУДМЕДЭКСПЕРТА, В ОТЛИЧИЕ ОТ ОБЫЧНЫХ ПАТОЛОГОВ, ЕСТЬ ПАЦИЕНТЫ. ТОЛЬКО, В ОТЛИЧИЕ ОТ ПАЦИЕНТОВ ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ ВРАЧЕЙ, ЕГО ПАЦИЕНТЫ МЕРТВЫ ИЗНАЧАЛЬНО.

Конечно, к тому времени я уже был слишком хорошо знаком с понятием смерти. Мне лично довелось испытать на себе множество ее последствий. Но я ровным счетом ничего не знал о физических проявлениях смерти. Моя мама умерла далеко в больнице, и уж точно никому не пришло в голову дать мне посмотреть на ее труп.

Даже самый несмышленный психолог наверняка догадался бы, что моя потребность в изучении физических представлений смерти стала причиной моей невероятной заинтересованности в увиденной мною книге. Это был не просто интерес – я был очарован. Это было нечто большее, чем банальное любопытство, и куда большее, чем желание других мальчиков быть напуганными.

Я одолжил книгу у друга и часами ее изучал. Я читал и перечитывал текст, вглядываясь в сопровождающие его иллюстрации. Они были весьма устрашающими, особенно из-за того, что в те дни никто не заботился о

родственников умерших, и их лица не были замазаны.

Наверное, мне захотелось увидеть все эти ужасные вещи, худшее, что может случиться с человеком, эту штуку под названием смерть, безразличными, отчужденными и хладнокровными глазами великого Симпсона. Возможно, Симпсон помог мне справиться с тем, что плохо поддается контролю. Или же меня просто увлекло сочетание медицинских знаний и детективной работы.

Я стал задумываться о том, чтобы начать изучать медицину. Патология сама по себе была интересной, однако в судебной медицине, помимо медицины, было кое-что еще. Я понимал, что у судмедэксперта, в отличие от обычных патологов, есть пациенты. Только, в отличие от пациентов всех остальных врачей, его пациенты мертвы изначально. И уж точно не может быть никаких сравнений с жизнью терапевта, каждое утро принимающего толпы шмыгающих носом людей.

Я узнал, что судебно-медицинского эксперта вызывают, когда случается необъяснимая смерть – в любое время дня и ночи, – причем вызывать могут непосредственно на настоящее место настоящего убийства. Его работа (в те годы женщин в этой профессии попросту не было) заключалась в проведении тщательного медицинского анализа тела, чтобы помочь полиции в расследовании преступления. Приехав на вызов и увидев лежащего на полу с огнестрельными ранениями человека, судмедэксперт не только бы изучил место преступления и ранения, но также, по словам Симпсона, сразу же попросил бы показать ему все обнаруженное поблизости огнестрельное оружие.

После этого он должен был задаться следующими четырьмя вопросами:

1. Могли ли ранения быть причинены этим оружием?
2. С какого расстояния из него стреляли?
3. С какой стороны?
4. Мог ли человек сам нанести себе эти ранения?

И все это, если верить Кейту Симпсону, нужно было сделать за один день. Жажда узнать больше, я прочитал всю информацию, которую мне удалось про него найти, и глубоко полюбил то, как он спешил на место преступления, зачастую под проливным дождем, а затем использовал свои медицинские навыки, чтобы помочь следователям воссоздать обстоятельства убийства, разрешить неразрешимое, оправдать невиновного, защитить версию следствия в суде и добиться справедливого наказания для виновного.

Мне сразу же стало ясно, какое я хочу для себя будущее. Мой амбициозный план заключался в том, чтобы стать следующим профессором Кейтом Симпсоном.

5

Я оказался в громадном облицованном белым кафелем подвале в Блумсбери. Свет был ослепительным. Прямо передо мной под простыней, через которую устрасюще проглядывались его очертания, лежало первое мертвое тело, которое мне предстояло увидеть в своей жизни.

Все студенты-медики в университетском колледже Лондона в обязательном порядке проходят анатомию. Нас было примерно 70, все первокурсники, и мы прекрасно знали, что подразумевала анатомия. Препарирование. В школе я как-то препарировал катрана[2 -

]. А еще крысу. Теперь же нам предстояло препарировать человеческое тело.

Когда мы спустились по ступенькам, в нос ударил знакомый со времен школьных лабораторных занятий по биологии запах формалина. Мы прошли вперед, миновав около 40 мраморных столов с препарированными трупами, которыми занимались студенты на год старше нас. Мы осторожно их обходили, так как знали, что именно лежит под простынями. Вдруг после моего неудачного движения с уголка одного из столов соскользнула простынь, обнажив огромную волосатую гориллью лапу. Ха-ха, всего лишь учебный материал для курса сравнительной анатомии. Я нервно засмеялся. Мы все нервно засмеялись. Нервничали все.

Многие люди сочли бы то, что мы намеревались сделать, страшным или отвратительным. Я же переживал совсем по другому поводу. Я был все еще решительно настроен стать судебно-медицинским экспертом, подобно профессору Кейту Симпсону, однако до сих пор трупы мне доводилось видеть лишь на фотографиях. Как же я отреагирую на свое первое тело? Я знал, что если меня вырвет, если я упаду в обморок, побледнею или даже просто дрогну (а некоторые из присутствовавших были на грани того, чтобы сделать все из вышеперечисленного сразу), то карьера, к которой у меня было расположено сердце, будет закончена, не успев начаться.

Я ЗНАЛ, ЧТО ЕСЛИ МЕНЯ ВЫРВЕТ, ЕСЛИ Я УПАДУ В ОБМОРОК, ПОБЛЕДНЕЮ ИЛИ ДАЖЕ ПРОСТО ДРОГНУ, ТО КАРЬЕРА, К КОТОРОЙ У МЕНЯ ЛЕЖАЛА ДУША, БУДЕТ ЗАКОНЧЕНА, НЕ УСПЕВ НАЧАТЬСЯ.

По четыре человека на стол, все в новеньких, хрустящих от крахмала белых халатах, мы сгруппировались вокруг тел. Эти тела будут оставаться с нами на протяжении всего курса анатомии в течение полутора лет, пока мы не узнаем о них в физическом плане больше, чем они когда-либо могли узнать сами. Но при этом об их личности узнаем меньше любого незнакомца, однажды проехавшегося с ними вместе в автобусе, увидевшего их лицо в движении или услышавшего их голос.

Ожидая преподавателя, каждый из нас по-своему пытался вытеснить свои эмоции. Тем не менее легко узнаваемые очертания человеческих форм, безжизненные тела под простынями изменили поведение нашей группы. Из всех так и поперла напускная храбрость. Кто-то шутил, кто-то от всей души смеялся. Студенты встречались взглядами и смотрели друг другу в глаза. Прозвучали даже пара приглашений на свидание. Комната трепетала от такой внезапной коллективной близости, ставшей следствием давления непривычных обстоятельств.

Затем заговорил преподаватель, и мы внимательно слушали его, стоя каждый у своего тела. Его слова звучали в глубочайшей тишине. Резкий свет отражался от кафеля, от наших лабораторных халатов, от блестящих скальпелей и от наших напряженных, побледневших лиц.

Наконец простыни убрали, и перед нами предстали они. Мертвецы. Серые, неподвижные, безмолвные, невидящие. Кто-то не сводил глаз с преподавателя. Другие уставились на обнаженную фигуру перед ними, на ее ничего не выражающее лицо.

Я СМОТРЕЛ НА ЛИЦО МЕРТВЕЦА – НИЧЕГО НЕ ВЫРАЖАЮЩЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ТОГО, ЧТО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРОМУ ОНО ПРИНАДЛЕЖАЛО, УЖЕ ДАВНО НЕ СТАЛО. ЧТО ОН ПОВИДАЛ? ЧТО ЗНАЛ?

На нашем столе лежал пожилой мужчина с закрытыми глазами и ртом, выступающими скулами, твердой плотью под подбородком, руками по швам, округлым животом, пораженными артритом коленными суставами и широкими ступнями. Беззащитный и одновременно неуязвимый. Человек, но уже не совсем.

Нам рассказали про то, когда умерли обладатели этих тел. Наш скончался год назад. Этот человек благородно завещал свои бренные останки медицинской науке, и, судя по всему, мы, неоперившиеся студенты, имели к ней какое-то отношение. Его забальзамировали вскоре после смерти, после чего поместили в формалин, пока он наконец не очутился на нашем столе. Вскоре до меня дошло, что этот необычный серый цвет кожи был следствием воздействия на нее введенного для защиты тканей от разложения формалина, а не последствием смерти.

Нам не сказали имена наших тел, равно как и не сообщили о них никакой личной информации – наверное, чтобы сделать их чуточку более безликими, чтобы ассоциация с живыми людьми была немного менее явной. Так как теперь я знал «Судебную медицину Симпсона» чуть ли не наизусть, то в душе, пожалуй, надеялся хотя бы на малюсенькое огнестрельное ранение, однако нам пояснили, что все эти люди умерли естественной смертью, да и в любом случае от нас и не требовалось выискивать причину их смерти – хотя наткнуться на свидетельства о ней мы все же могли. Эти трупы предназначались лишь для того, чтобы дать нам общее представление о человеческом теле и его устройстве. Нам предстояло увидеть собственными глазами, как мышцы крепятся к костям, обнажать нервные волокна, изучать устройство почек и сосуды вокруг сердца.

Мы открыли наши учебники: «Анатомия человека» под авторством Айткена, Коузи, Джозефа и Юнга, том первый, раздел первый: туловище и верхние

конечности. Преподаватель объяснил, что мы начнем с того, что сразу разрежем посередине грудную клетку. Когда он спросил, кто в каждой группе готов взять скальпель, воцарилась тишина. Кто готов сделать свой первый надрез на человеческой плоти?

Я, вот кто. Для меня это была важная проверка. Я должен был понять, хватит ли у меня духу.

Я смотрел на лицо мертвеца – ничего не выражающее свидетельство того, что человека, которому оно принадлежало, уже давно не стало. Что он повидал? Что знал? Он был частью одного с нами мира, однако за год после его смерти этот мир изменился и стал жить дальше, а вот он не стал. Я глянул на его грудь. Кожа на ней ни капли не походила на мою собственную. Она была твердой, но при этом эластичной.

Я взялся за скальпель. Мне уже доводилось держать в руках скальпель в школе, однако этот казался потяжелее. Как сильно мне нужно будет надавить, чтобы разрезать человеческую плоть? Все в группе смотрели на меня. Никто не говорил ни слова.

Чья-то рука поместила скальпель на человеческую грудь. Я смотрел за рукой, а потом понял, что она моя. Группа наклонилась вперед. Я надавил. Ничего не произошло. Я надавил сильнее и почувствовал, как кожа поддалась. Я сделал разрез. Уверенным движением я плавно повел скальпель вниз. Плоть аккуратно расходилась, пока я разрезал, стараясь вести как можно более прямую линию, от яремной впадины до мечевидного отростка. Мы собирались откинуть эту кожу, словно обложку книги, и внутри прочесть человеческое тело! Мне хотелось прямо сейчас копнуть глубже, чтобы увидеть, что там находится.

Я был настолько погружен в это занятие, что забыл и про преподавателя, и про других студентов, и про запах формалина. Когда преподаватель заговорил, я поднял голову, от неожиданности заморгав. Вокруг нас началось движение. За другим столом одна из девушек упала в обморок, и ее окружили желающие помочь. В конце зала хлопнули вслед за кем-то, поспешившим уйти, двери, к которым теперь направлялись еще несколько студентов. Одним из них был мой друг, который так больше никогда и не вернулся. Ни на занятия по анатомии, ни к изучению медицины. Те же, кто остался, сблизились между собой на новом уровне. Препарируя человеческое тело, мы вместе становились профессионалами. Мы становились частью небольшой группы избранных, секты,

клана. Это было наше посвящение. Что касается меня, этот пробный полет со скальпелем подтвердил мои большие надежды: это было мое.

Помимо занятий по анатомии я также был рад узнать, что в обеденное время ежедневно проводятся вскрытия умерших в больнице при университетском колледже пациентов, и студентов-медиков приглашали на них в качестве зрителей. Туда я частенько захаживал. Эти учебные вскрытия крайне отличались от того, что мы делали с нашими трупами, слой за слоем, мышца за мышцей, нерв за нервом скрупулезно изучая человеческое тело. Здесь у меня была возможность наблюдать за работой профессионалов своего дела. Они начинали со срединного разреза, вроде того, который сделал я на первом практическом занятии по анатомии – только выполняли они его без малейшего намека на страх. Затем я наблюдал, как они отточенными движениями отгибают слои тела, чтобы обнажить внутренние органы, а вместе с ними и причину смерти. Обширный рак, пораженная поджелудочная, кровоизлияние в мозг, закупоренная артерия. Мне хотелось увидеть все.

В университете было полно возможностей: заниматься интересными вещами, встречаться с людьми, учиться, развлекаться. Какое же облегчение я испытал, покинув дом и оказавшись в этом мире. Потому что дома все изменилось. Он стал напряженным и порой весьма неудобным местом.

Мой отец, несмотря на всю свою любовь и заботу, после смерти матери порой бывал довольно вспыльчивым. Очень вспыльчивым. Я прекрасно понимаю, с чем это было связано: любовь его жизни погибла, и то бремя, что он прежде с ней делил, целиком легло на его плечи. Он остался один с маленьким сыном, нуждающимся в его любви, и с еще одним сыном, который, остро ощутив утрату матери, вырос довольно трудным подростком. Вдобавок ко всему мой отец тосковал по женской компании.

Как бы сильно он ни горевал, через какое-то время после смерти нашей мамы он начал встречаться с женщинами. Мы с Робертом не были против: наш отец был несчастлив, и одна из его девушек, Лиллиан, тоже рано овдовевшая, значительно скрасила его – да и нашу общую – жизнь. Она была ласковой и заботливой, частенько смеялась. В нашем доме было довольно тихо – это была обитель теней, воспоминаний и пустоты, в то время как у Лиллиан было шумно и весело, вкусная еда на столе и дружелюбные гости за ним. А еще Лиллиан устраивала вечеринки. Вечеринки! Однажды на Рождество позвали и нас, и мы хохотали и дурачились с остальными гостями, передавая друг другу зажатый

между грудью и подбородком апельсин.

К сожалению, Лиллиан осталась в прошлом. Кто-то – и основные подозрения падают на саму Лиллиан – пустил слух, будто они с нашим отцом собираются пожениться. Он развернулся и дал деру. К тому времени наша мама стала для него чуть ли не святой, и, наверное, столь скорая женитьба на ком-то другом была для него просто чем-то немыслимым.

ОБШИРНЫЙ РАК, ПОРАЖЕННАЯ ПОДЖЕЛУДОЧНАЯ, КРОВОИЗЛИЯНИЕ В МОЗГ, ЗАКУПОРЕННАЯ АРТЕРИЯ – МНЕ ХОТЕЛОСЬ УВИДЕТЬ ВСЕ.

Однажды летом, когда мы были на отдыхе в Девоне, наш отец куда-то испарился, объявив, что собирается встретиться со старым приятелем. Мы заметили, что он слишком уж приделся для этого старого приятеля. На следующий день он привел этого приятеля, чтобы мы познакомимся. Ее звали Джойс. Как выяснилось, когда-то она работала вместе с нашим отцом, однако потом по неназванным причинам уехала из Лондона в свой дом на юго-западе страны.

Джойс изо всех сил старалась нам понравиться. Она была среднего возраста, невзрачная и настолько слащаво-милая с нами, что вгоняла в дрожь, однако я на нее за это не злился – скорее, мне было ее жалко. Джойс была какая-то забитая. И действительно, выяснилось, что она живет с больным отцом и придирчивой, властной матерью. Из близких у нее также была замужняя племянница, которая казалась дружелюбной. Помимо племянницы, отца, от которого не было никакого толку, и ужасной матери, у Джойс не было никого на свете.

Ее отношения с моим отцом вышли за рамки мимолетной встречи старых знакомых. Она стала показываться у нас дома по выходным. Она старалась проявлять к нам заботу, однако попросту не знала, как совладать с мальчиками-подростками. С другой стороны, она нам готовила, и ее еда не шла ни в какое сравнение со стряпней нашего отца. Однажды она даже попыталась сделать паэлью, довольно смелое для 1960-х годов блюдо. Кроме того, она наводила порядок, да и нашему мужскому жилищу вообще не доставало женской руки.

«Не нужна нам никакая женская рука», – сказал Роберт. Ему не нравились ее слащавые манеры, равно как и нелепые попытки заполнить пробелы в нашей семье. Пробелы, связанные с отсутствием матери, пробелы, на месте которых должны были быть материнские объятия или смех.

Я ничего против нее не имел, однако стал все чаще сбегать к друзьям, когда она приезжала к нам. Факт оставался фактом: она сделала нашего отца, может быть, и не счастливым в полной мере, но хотя бы менее вспыльчивым. Потому что где-то внутри этого доброго и любящего человека был спрятан вулкан, который мог рвануть в любое время. Внезапно. Непредсказуемо.

Когда он терял самообладание, то начинал кричать, вопить, бросался чем под руку попадет, и этим он приводил меня в ужас. Такое случалось не очень часто, однако я всегда знал, что вулкан только и поджидает, как бы взорваться, выбросив наружу ярость с пунцовым лицом, и это было настолько устрашающе, что однажды я даже обмочился.

Порой мы уезжали погостить в уютный, вылизанный до блеска дом нашей бабушки по материнской линии рядом с Манчестером. Однажды утром у нее в гостях, когда мне было 13, я как обычно забрался в кровать к своему отцу, чтобы поболтать и попить чай. Было приятно развалиться на его подушках между хрустящими льняными простынями с горячей кружкой в руках. Вдруг он сказал: «Я думаю о том, чтобы жениться на Джойс».

Мне захотелось закричать: «Нет!» Но я сказал: «Хорошо».

Может, если он на ней женится, то будет счастлив. А этого мне хотелось больше всего. Может, он станет реже выходить из себя. Чего мне хотелось не меньше. Никого из нас на свадьбу не пригласили. Отец просто как-то раз уехал в Девон, и они вернулись оттуда вместе женатой парой. Для Джойс это стало долгожданным спасением от жестокой матери. Пускай, возможно, она и попала из одной тюрьмы в другую, так как теперь весь дом был на ней. Отец отошел от домашних хлопот так же быстро, как однажды за них взялся. Наверное, их отношения больше походили не на ухаживания, а на собеседование перед приемом на работу. На должность домохозяйки.

Я не сомневаюсь, что Джойс старалась быть хорошей женой. В нашем доме теперь не было ни пылинки. Только вот мне теперь деваться было некуда:

Джойс всегда была рядом. Я даже не мог приглашать к себе друзей, так как она не умела принимать гостей. Но она была весьма доброй, и вскоре, к счастью, оставила свои неловкие попытки стать для меня матерью – наверное, потому что я даже не старался относиться к ней подобным образом.

Мой отец, Джойс, Роберт и я жили как четверо людей, лишь по воле случая оказавшихся под одной крышей. Даже мой отец стал от нее отдаляться. Мне сложно назвать этот брак счастливым. Не обходилось без ссор и длительной ледяной злобы. Однажды он даже отвез ее к матери в Денвер. Но она вернулась. Днями напролет они спорили, после чего, как я понял уже потом, происходили ночные примирения. И на утро атмосфера в доме была до боли в зубах слащавой и переполненной любовью. Хватало их, конечно, ненадолго. Честно говоря, все это не на шутку сбивало с толку.

Роберт поступил на юридический в университет – мой отец полностью одобрил выбранную им специальность. Я скучал по своему брату, однако с его отсутствием споров поубавилось, да и вспышек ярости стало немного меньше.

Год спустя Роберт вернулся, провалив экзамены. Он объявил, что больше не хочет изучать право. Теперь его сердце лежало к философии и социологии. Отец пришел в бешенство.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Экзамен «Одиннадцать плюс» (англ. Eleven plus exam) – экзамен, сдаваемый некоторыми учениками в Англии и Северной Ирландии по окончании начальной школы, который позволял выбрать учреждение для продолжения образования. Название испытания связано с возрастной группой детей, которые его сдают: 11-12 лет.

2

Купить: https://telnovel.me/sheperd_richard/neestestvennye-prichiny-zapiski-sudmedeksperta-gromkie-ubiystva-uzhasayuschie-terakty-i-zaputannye-dela

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)